

**Когда Волхов течёт вспять.
Поход князя Всеслава на Новгород 1066 г.**

Кежа Ю.Н.

(аспирант Республиканского института высшей школы г. Минск)

В картине мира населения Древней Руси, главный город княжества воспринимался не только как политический, социально – экономический, административный и культурный центр. В представлениях жителей, город в первую очередь имел культовый статус со всеми атрибутами упорядоченного пространства, который противопоставлялся хаосу и враждебности мира природы. Сама этимология названия “город”, указывает на время расселения восточнославянских племён и освоения населением неизвестных земель, где требовалось прежде всего отгородиться от окружающего враждебного мира и создать “свое” организованное и упорядоченное пространство¹. Важную роль в жизни древнерусского города играла фигура князя. В этом смысле город являлся концентрацией власти, которая в глазах населения имела сакральное значение, и была призвана защищать население и границы княжества вместе с главным городом от внешней опасности.

В традиционных представлениях восточных славян, город – максимально упорядоченное и организованное пространство, которое соотносится в представлениях населения с Центром Мира². Таким образом, каждый древнерусский город, который являлся центром земли – княжества – осмыслялся как город, размещённый в Центре Земли и всего мира. Важную роль при осмыслении данных представлений в летописании и литературных произведениях древнерусской эпохи отводится библейской традиции: каждый город – есть отражение небесного Иерусалима. Согласно этой традиции, кафедральный, главный храм – символ самоидентификации города и сосредоточение его священной силы.

В первой половине XI в. – времени культурного расцвета и наибольшего могущества Киевской Руси, христианское храмовое строительство кроме культового приобретает важное политическое значение. Строя собор святой Софии в Киеве, великий князь Ярослав Владимирович, имел претензии на гегемонию Киева не только в восточнославянских землях. Основная цель строительства собора – концепция “Нового Иерусалима”, который отождествлялся со “Вторым Римом” и воспринимался как духовный центр Мира³. В восточнославянской традиции таким центром Мира считался Константинополь, откуда на русские земли пришло христианское учение. В свою очередь, Константинополь в византийской традиции отождествлялся с Иерусалимом. Показательно, что городская структура Константинополя строилась по образцу Иерусалима, чем подчёркивалась приемственность новой христианской столицы в деле спасения всего человечества. После крещения Руси идея переименности Киева в деле спасения была по своему воспринята и переосмыслена древнерусской “интеллектуальной элитой”. Городская структура Киева, копировала городское пространство Константинополя. В Киеве возводится Собор святой Софии, строятся Золотые ворота, монастырь святого Георгия и святой Ирины. В это же время создаётся оригинальное произведение – “Слово о Законе и Благодати”, в котором отчётливо подчёркивается богоизбранность Киевской Руси⁴.

Также следует обратить внимание на понятие Софии (Логоса), которое имеет обширное содержание. Своими корнями данное понятие относится к Ветхому Завету, где означает творческое начало мироздания. В Книге Бытия довольно чётко просматривается акт первотворения мира и выделение его из хаоса. Таким образом, раскрывая содержание

понятия Софии (Логоса) как принципа первотворения, нельзя не увидеть в строительстве восточнославянских Софий стремление к оформлению и упорядочению сакрального городского пространства. В библейской традиции Премудрость Божья (София) именно строительница, которая созидает мир и установленный порядок. Сотворённый ею Дом является одним из главных символов библейской Премудрости⁵. Деятельность князей, как инициаторов и организаторов строительства подобных соборов, следует, таким образом, связывать с началами творчества и государственности в своих городах. Организация “своего” упорядоченного пространства получает новое, христианское осмысление.

Таким образом, строительством Киевской Софии по образцу Софии Константинопольской осуществлялась идея не только независимости новой христианской столицы Руси от Константинополя. Храм святой Софии “моделировал” центр христианского Мира в самом Киеве. Новгород и Полоцк, где следом за Киевом также были построены Софийские соборы, перенимали идею центра христианского Мира у своего политического соперника⁶.

В результате многолетних археологических исследований, установлено, что площадь Полоцка в XI в. составляла не менее 180 гектаров. Эта территория на тот период превышала площадь Новгорода и Киева. В этой связи, Полоцк к середине XI в. превратился в один из крупнейших и богатейших городов Восточной Европы⁷. Интересно, что становление средневекового Полоцка как крупнейшего города Руси относится к XI в. – времени правления Всеслава Брючиславича.

Рассматривая сакральную роль городского пространства Полоцка, с его дохристианскими культовыми объектами на Верхем замке при слиянии Двины и Полоты, и Волового озера, находящегося в низине и гипотетически локализуемого как место почитания Велеса – Волоса, следует отметить, что коллективная память про некогда действующее святилище на Воловом озере трансформировалась и существенно исказилась, в свою очередь представления о культовом и религиозном характере Верхнего замка сохранялись на протяжении всего периода Средневековья⁸. Особое значение территория Верхнего замка приобрела в середине XI в., что связано с деятельностью знаменитого полоцкого князя Всеслава Брючиславича.

Строительство главного храма Полоцка относится к начальному периоду княжения Всеслава (1044 – 1066 гг.). В два первых десятилетия своего княжения деятельность Всеслава не выходила за границы Полоцкого княжества, о чём свидетельствует молчание летописей о Полоцкой земле. Это время можно охарактеризовать, как период политической стабильности и территориального роста самого Полоцка⁹.

Согласно традиционной топографии древнерусских городов, главный храм города находился в центре детинца – центральной укрепленной части города, где размещалась княжеская резиденция¹⁰. Относительно Полоцка в историографии сложилось достаточно устойчивое мнение о переносе детинца (IX – X вв.), расположенного на городище на территорию Верхнего замка. Этот процесс относится рядом исследователей именно к середине XI в. – времени предполагаемого строительства Софийского собора¹¹. Однако по данным новейших археологических исследований, следы княжеской резиденции на Верхнем Замке XI – XIV вв. не фиксируются. Древнейшее полоцкое городище продолжает сохранять статус княжеской резиденции на протяжении IX – XIV вв.¹². Таким образом, Верхний замок, расположенный на возвышенности при слиянии Двины и Полоты, в представлениях населения города рассматривался *исключительно* как культовый и религиозный центр, сохранивший свой сакральный статус с дохристианских времён, о чём свидетельствуют реликты дохристианских представлений сохранившиеся до XVI в. в топонимах “Чорная гара” и “Чорны ручай”¹³. После постройки Софийского собора Всеславом, Полоцкое княжество подкрепило свою обособленность от Киева и Новгорода в идеологическом и символическом плане.

Первые двадцать лет княжения полоцкого князя, можно охарактеризовать как время мирных отношений с Киевом и южнорусскими княжествами. Следует

отметить, что в этот период Всеслав не вносил существенных перемен в политику проводимую его отцом Брючиславом, который с 1021 г. мирно сосуществовал со своим дядей Ярославом Владимировичем. Всеслав в 1060 г. совместно с тремя братьями Ярославичами успешно осуществил поход на торков, возможно благодаря чему получил для Полоцкого княжества приграничные города Копысь и Оршу¹⁴.

После двадцатилетнего затишья, летописи сообщают о нарушении спокойствия в древнерусских землях. Под 1066 г. новгородский летописец описывает нападение Всеслава на Новгород: *“приде Всеславъ и възя Новъгород, съ женами и съ детми; и колоколы съима у святыя Софие . О, велика бяше беда въ час тыи; и понекадила съима”*¹⁵. Обращая внимание на грабительскую деятельность Всеслава относительно Новгородской Софии, можно предположить, что Новгородский храм и был главной целью его похода¹⁶. Именно Новгород в древнерусский период являлся главным политическими и экономическим соперником Полоцка в Северной Руси. В летописной традиции это соперничество начинается с конца X в., когда новгородский князь Владимир Святославич захватил Полоцк, убил княжившего там Рогволода, а его дочь Рогнеду насильно взял в жёны. Именно с этих времён согласно Лаврентьевской летописи: *“мечь взимають Роговоложи внуци противу Ярославимъ внукомъ”*¹⁷.

Неудивительно, что Полоцкая земля в Новгородских летописях воспринимается как чужая и враждебная. В контексте новгородских сообщений Полоцк – главный враг Новгорода. Это в первую очередь касается ряда сообщений эсхатологического характера, которые предшествовали походу Всеслава: *“6571 (1063): В се же лето в Новегороде идее Волховъ въспяты; се же знамение не на добро бысть: на четвертое лето пожьже Всеслав град”*¹⁸. Эта же летопись под 6573 (1065) годом сообщает: *“В се же время бысть знамение на западе: звезда привелика, луце имущи акы кровавы, въсходящи с вечера по заходе солнечьном; пребысть же днии 7. Се же проявляше не на добро...”*¹⁹.

Основную причину соперничества Полоцка и Новгорода следует искать в их относительной географической близости, а начало их политического соперничества относить к середине X в. – периоду начала княжения в Полоцке Рогволода и функционированию торгового пути “Из варяг в греки”. Именно приоритет главного выхода к Балтийскому морю (через систему волоков) отстаивал каждый из этих городов. Полоцк лежал на Западновинском ответвлении торгового пути, Новгород в свою очередь контролировал Волховско – Невский участок. Стремление к доминированию одного из двух возможных участков пути и стало основной причиной военных столкновений и идеологической вражды двух городов.

По предположению киевского историка В.М. Рычки, походом на Новгород и разграблением храма святой Софии, Всеслав “осквернил память о Ярославе Мудром в Новгороде”²⁰. Об этом может свидетельствовать и текст “Слова о полку Игореве” описывающий княжение Всеслава: *“Скочи (Всеслав – Ю.К.) отъ нихъ лютымъ зверемъ въ плъночи изъ Белаграда, обесися сине мъгле утръже вазни, с три кусы отвори врата Новуграду, разшибе славу Ярославу, скочи влъкомъ до Немиги съ Дудутокъ”*²¹. Выражение *“Расшибить славу”* – значит лишить противника его былой славы победителя, победив его самого или его потомков. Исследователи “Слова” по разному трактуют это выражение. Б.А. Рыбаков, считает, что Всеслав, взяв Новгород тем самым отомстил за возможное поражение, нанесенное Ярославом его отцу Брючиславу Изяславичу в битве при Судомире 1021 г., тем самым “разбив” славу Ярослава как победителя²². Несмотря на это следует учитывать, что Ярослав Мудрый внёс значительную лепту в строительство Новгородского Софийского Собора. Его жена Ингигерд – Ирина также принимала активное участие в обеспечении строительства. Таким образом можно предположить, что Всеслав взятием Новгорода и разграблением главного храма города принижает былую славу и величие Ярослава, десакрализирует его деятельность по строительству и формированию городского (сакрального) пространства Новгорода и, возможно, Киева.

Рассматривая сообщения “Слова” о Всеславе Полоцком, в частности выражение “*врѣже Всеславъ жребий о девицу себе любу*”, Л.В. Соколова пришла к выводу о прочтении этого текста как о сражении Всеслава за Новгород в 1067 г. (в Ипатьевской и Лаврентьевской летописях поход датируется 1067 г.). “Именно это событие автор делает завязкой своего повествования о Всеславе, так как именно оно имело далеко идущие последствия о которых автор напоминает далее”²³. Именно с нападения на Новгород начинаются последующие “приключения” полоцкого князя.

Показательно, что во время похода полоцкого князя на Новгород, в городе отсутствовал князь. По сообщению поздней Новгородской четвёртой летописи, новгородскому походу предшествовало нападение Всеслава на Псков в 1065 г., которое закончилась неудачей для полоцкого князя²⁴. После отступления Всеслава от Пскова, тогдашний новгородский князь Мстислав Изяславич двинулся наперерез Всеславу, но был разбит на реке Чересе. Не решившись возвращаться в Новгород после поражения и зная о неприязни новгородцев к своему отцу Изяславу Ярославичу, он отправился в Киев²⁵. В контексте данных событий следует отметить, что город в представлении восточнославянского общества не был отделён от личности князя, который был неразрывно связан с организацией внутреннего городского пространства и являлся гарантом его безопасности. Отсутствие князя в городе во время внешней угрозы, могло роковым образом повлиять на судьбу города и его дальнейшее развитие. Соответственно, отсутствием в Новгороде князя не приминул воспользоваться Всеслав, который выжег город и жестоко расправился с его населением.

Интересно, что в мифологическом образе Афины как богини мудрости, одной из главнейших её функций являлось заступничество за охраняемые ею города и жителей города перед гневающимся верховным богом, и таким образом их спасение. Образ богини Афины, который в христианстве отождествлялся со святой Софией получил наименование “Градохранительницы, она же и хозяйка городов – “Градодержлица”. Также образ Афины - Софии (Премудрости Божьей) воспринимался как девственный, непорочный и чистый.

Следует отметить, что образ языческой Афины и христианской Софии напрямую может соотноситься с образом Богородицы, как покровительницы и защитницы города. Важно, что на алтарной арке, идущей по краям полукупольного свода главного алтаря Софийского храма в Киеве, вокруг изображения Богородицы Оранты находится греческая надпись середины XI в. “Бог посреди неё и она не поколеблется. Поможет ей Бог с раннего утра”. Смысл данного изречения неразрывно связан с защитой и охраной города. На Руси это изображение Богородицы Оранты именовалось как “Нерушимая стена.” Образ почитания Богородицы как защитницы Константинополя, можно увидеть в “Послании” константинопольского патриарха Фотия. Во время нападения русов на Константинополь в 860 г., именно риза Богородицы, опущенная в воду, вызвала шторм и бурю и предотвратила захват и разграбление города северными варварами²⁶.

Рассматривая образ Божественной Мудрости, прямо отождествляемый с Софией, О.А. Плотникова отмечает, что “Как и эллинская Мудрость, облекшаяся в образ Афины, библейская премудрость есть *девственное* (выделено мной – Ю.К.) порождение верховного Отца и близка к нему”²⁷. В осмыслении Софии, прямо соотносящейся с изображением и образом Богородицы, который в свою очередь соответствует таким символам как “город” и “нерушимая стена” его защищающая, неразрывно связано понятие чистоты и непорочности. Богородица (София), тождественна понятию “город” и её целомудрие есть упорядоченность и неприступность этого города²⁸.

Стоит обратить внимание, что в мифологическом аспекте, целомудрие и прочность города может быть нарушена захватом и разрушением его неприятелем. Взятие города таким образом приравнивается к потере чести, утрате чистоты и непорочности²⁹. Можно вернуться к выражению “Слова о полку Игореве”: “*врѣже Всеславъ жребии о девицу себе любу*”, где мотив желанного города, который необходимо завоевать, может сравниться с

девой. Показательными в этом плане являются события захвата Полоцка Владимиром и насилие над полоцкой княжной Рогнедой. В этом случае овладение девушкой символизировало овладение городом³⁰.

В соответствии с сообщением Новгородской первой летописи, в разграблении Всеславом Новгорода интересен ещё один важный момент. Полоцкий князь после взятия города увёз в Полоцк снятые с Новгородской Софии колокола: “... и колоколы съима у святыя Софие”³¹. Исследователи, обращая внимание на пережитки язычества в мировосприятии населения Древней Руси, указывали именно на языческий по своей сути обычай разорения главного кафедрального храма после взятия города. Интересный вывод на подобную тему сделал петербургский историк И.Я. Фроянов. На примере взятия и разграбления Киева Андреем Боголюбским в 1169 г. и ещё одного погрома города Рюриком в 1203 г., исследователь показал явные пережитки языческого менталитета у населения Руси в XII – начала XIII вв. “С христианской точки зрения подобное обращение с религиозными святынями — вещь, безусловно, вопиющая и безмерно греховная. А по убеждению язычников, разрушить святилище врага — значит лишить его покрова божьего и тем самым победить”³². Если историк находит языческие реликты в сознании людей XII – XIII вв., что говорить о середине XI в., когда после крещения Руси не прошло и века.

Важно также отметить, что главный кафедральный храм является не просто символом города. Храм – сосредоточие божественной силы города, его святости и сакральности. Об отношении населения города к главному храму довольно отчётливо свидетельствует фраза из Новгородской летописи: “*Не будет Новый торг Новгородом, ни Новгород Торжском, но где святая София — там и Новгород*”³³. Всеслав, как человек своей эпохи, безусловно понимал значение Софии для статуса Новгорода. Именно поэтому своё внимание после взятия города он сосредоточил именно на ней. Символическим является ещё и то, что князь из Софийского храма снял колокола и паникадила. В славянской традиции, колокол и колокольный звон широко использовался в качестве апотропея. С помощью колокольного звона существовала практика отворачивать грозные тучи и град у славянских народов. Колокольный звон считался действенным средством против многих болезней. В свою очередь, отсутствие колокольного звона указывало на “демоническое время” и присутствие на земле враждебных человеку потусторонних сил³⁴. После “опустошения” Новгородского храма, Всеслав перевёз новгородские колокола в Полоцк в недавно построенный им Софийский собор. Данным поступком полоцкий князь десакрализовал городское пространство Новгорода и обогатил “своё” пространство силой и славой изъятой у неприятеля.

Таким образом, взятие Новгорода Всеславом в 1066 г. кроме сугубо прагматической цели (ослабления главного конкурента к выходу на Балтику, богатая добыча рабов и материальных ценностей), преследовало цель символическую, идеологическую и сакральную. Взятие и разграбление северной столицы Руси, по всей видимости в глазах современников выглядело как принижение города, утрату его чистоты и нарушение целостности и упорядоченности внутреннего пространства. В идеологическом плане, Всеслав, видимо, хотел уничтожить славу Новгорода как своего прямого конкурента на севере Руси.

Строительство в Полоцке собора святой Софии Всеславом Брючиславичем осмысливалось не только как **политический сепаратизм** от Киева. Возведением собора полоцкий князь подчёркивает первенство Полоцка перед Новгородом. После разорения города Всеслав демонстративно вывез из Новгорода колокола главного собора, тем самым действуя в соответствии с дохристианскими представлениями о переносе *сакральной силы* из одного центра в другой. Согласно христианским представлениям, разорение храма святой Софии, которая выполняла роль градохранительницы и заступницы, носила эсхатологический характер разрушения и ритуальной смерти города. Перенесение новгородских колоколов в полоцкую Софию на Верхнем Замке свидетельствовало о

наделении полоцкого храма и, соответственно, всего города той защитной и сакральной функцией, которые были отобраны у Новгорода. Главную роль в этом “сакральном действии” играла фигура князя, которая являлась гарантом безопасности города и сохранения его целостности и единства в переходную от язычества к христианству эпоху.

Примечания

- ¹ Долгов, В.В. Быт и нравы Древней Руси. / В.В. Долгов – М.: Яуза, Эксмо, 2007. – С. 496.
- ² Міфалогія беларусаў: Энцыкл. слоўн. / склад. І. Клімковіч, В. Аўтушка; навук. рэд. Т. Валодзіна, С. Санько. – Мн.: Беларусь, 2011. – С. 122.
- ³ Данилевский, И.Н. Мог ли Киев быть Новым Иерусалимом? / И.Н. Данилевский // Одиссей: Человек в истории. – М. 1998. – С. 137 – 139.
- ⁴ Там же. С. 139.
- ⁵ Плотникова, О.А. Легитимизация власти на этапе становления и укрепления династии русских князей / О.А. Плотникова. – М., 2008. – С. 170.
- ⁶ Марзалюк, І.А. Гістарычная самаідэнтычнасць насельніцтва Беларусі ў 11 – 17 стст. // [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.lingvo.minsk.by/mab/Glook/BVOKS/Albaruthenica.htm/> – 02.02.2012.
- ⁷ Дук, Д. Полоцк – 1150: истоки государственности на белорусских землях. / Д. Дук // Родина. – 2012. - №19. – С. 67.
- ⁸ Лобач, У.А. Да пытання аб сакральнай тапаграфіі старажытнага Полацка / У.А. Лобач // ГАППЗ: матэрыялы V Міжнароднай навуковай канферэнцыі (24 – 25 кастрычніка 2007 г.). – Полацк: НППГКМЗ, 2009. – С. 112 – 119.
- ⁹ Гісторыя Беларусі : У 6 т. Т. 1 Старажытная Беларусь: Ад першапачатковага засялення да сярэдзіны XIII ст. / Рэдкал: М. Касцюк (гал. рэд.) і інш. – Мн.: “Экаперспектыва”, 2000 – С. 157.
- ¹⁰ Тихомиров, М.Н. Древнерусские города / М.Н. Тихомиров. – М.: Государственное издательство политической литературы, 1956. – С. 135.
- ¹¹ Там же. С. 172; Тарасаў, С.В. Полацк IX – XVII стст.: Гісторыя і тапаграфія / С.В. Тарасаў. – Мінск: Беларуская навука, 1998 б. – С. 26; Штыхов, Г.В. Древний Полоцк (IX – XIII вв.) / Г.В. Штыхов. – Минск: “Наука і техника”, 1975. – С. 24 – 25.
- ¹² Дук, Д.У. Полацк і палачане (IX – XVIII стст.) / Д.У. Дук. – Наваполацк: ПДУ, 2010. – С. 37 – 41.
- ¹³ Там же. С. 37
- ¹⁴ Тарасаў, С.В. Чарадзеі сёмага веку Траяна: Усяслаў Полацкі / С.В. Тарасаў. – Мінск: “Навука і тэхніка”, 1991. – С. 29.
- ¹⁵ Новгородская первая летопись старшего и младшего изводов. – М.: Издательство Академии наук СССР, 1950. – С. 17.
- ¹⁶ Рычка В. Крест Чародея Три Софии Всеслава Полоцкого: взгляд из Киева. / В. Рычка // Родина. – 2007. - №10. – С. 69.
- ¹⁷ Лаврентьевская летопись / Под ред. Е.Ф. Карского. – [Респ. изд. 1926 – 1928 гг.] – М.: Яз. Рус. культуры: Кошелев, 1997. – С. 207.
- ¹⁸ Новгородская первая летопись. С. 183 – 184.
- ¹⁹ Там же. С. 184.
- ²⁰ Рычка В. Крест Чародея... С. 69.
- ²¹ Слово о полку Игореве / Вступит. ст., ред. Текста, досл., и объяснит. перевод с древнерус., примеч., Д.С. Лихачёва. – 8-е изд. – М.: Дет. Лит, 1979. – С. 90.
- ²² Рыбаков, Петр Бориславич. Поиск автора “Слова о полку Игореве”. / Б.А. Рыбаков. – М., “Молодая гвардия”, 1991. – С. 38.
- ²³ Соколова, Л. В. Образ Всеслава Полоцкого в “Слове о полку Игореве” / Л.В. Соколова // ТОДРЛ. — СПб 2003. – С. 29
- ²⁴ Новгородская четвёртая летопись. – Ленинград: Издательство Академии наук СССР, 1929. – С. 120.
- ²⁵ Тарасаў, С.В. Чарадзеі сёмага веку Траяна. С. 32
- ²⁶ Древняя Русь в свете зарубежных источников: Хрестоматия / Под ред. Т.Н. Джаксон, И.Г. Коноваловой и А.В. Подосинова. Том II: Византийские источники. Сост. М.В. Бибикив. – М.: Русский Фонд Содействия Образованию и Науке, 2010. – С. 131 – 134.
- ²⁷ Плотникова, О.А. Легитимизация власти... С. 164.
- ²⁸ Там же. С. 173.
- ²⁹ Топоров, В.Н. Текст города – девы и города – блудницы в мифологическом аспекте. Заметки по реконструкции текстов / В.Н. Топоров // Исследование по структуре текста. – М., 1987. – С. 121 – 132.
- ³⁰ Міфалогія беларусаў... С. 393.
- ³¹ Новгородская первая летопись. С. 17.
- ³² Фроянов, И.Я. Начало христианства на Руси / И.Я. Фроянов. – Ижевск: Удмуртский университет, 2003. – С. 55.
- ³³ Новгородская первая летопись. С. 47.

³⁴ Агапкина, Т.А. Вещь, образ, символ: колокола и колокольный звон в традиционной культуре славян / Т.А. Агапкина // Семиотика звука и речи в традиционной культуре славян. – М., 1999. – С. 75 – 93.

**Полоцкий Софийский собор середина XI в.
(реконструкция Г.В. Штыхова)**

Полоцкий Софийский собор

(современный вид)

**Новгородский Софийский собор
(современный вид)**

**Поход Всеслава Брячиславича на Новгород
(миниатюра Радзивилловской летописи).**

К вопросу о походе Всеслава Брючиславича на Новгород 1066 г.

Ю.Н. Кежа

(аспирант республиканского института высшей школы г. Минск)

В статье анализируется осмысление летописного военного похода 1066 г. полоцкого князя Всеслава Брючиславича на Новгород в христианской и дохристианской (языческой) традиции. Анализируя летописные сообщения о нападении на Новгород, делается вывод о символической и идеологическом “принижении” Новгорода как главного конкурента Полоцка в Северной Руси. Во взятии города Всеславом, особое внимание летописца обращено на действия Всеслава по отношению к новгородской Софии. После разорения города Всеслав демонстративно вывез колокола собора, тем самым действуя в соответствии с дохристианскими представлениями о переносе сакральной силы из одного центра в другой. Перенесение новгородских колоколов в полоцкую Софию на Верхнем Замке свидетельствовало о наделении полоцкого храма и, соответственно, всего города той защитной и сакральной функцией, что были отобраны у Новгорода.

On the question of the military campaign of Vsyaslau Bryachislavovich against Novgorod in 1066.

J. N. Kezha

(Postgraduate of the Republic high school university of Minsk)

Conceptualization of Polotsk Knyaz Vseslau Bryachislavovich annalistic military campaign of 1066 year to Novgorod in Christian and pre-Christian (pagan) tradition is analyzing in the article. The results of analysis of annalistic messages about attack against Novgorod show symbolic and ideological “detraction” of Novgorod as the main opponent of Polotsk in the North Russia. In the capture of the city by Vseslau special focus of the chronicler was pointed to actions of Vseslau to Novgorod's Sophia. After the city destruction Vseslau in an emphatic manner brought out the bells of the cathedral, therefore acted according to pre-Christian beliefs about carrying over of sacral power from one centre to another. Carrying over of Novgorod's bells to Polotsk's Sophia in the Upper Castle testified about vesting of the Polotsk's temple, and therefore all the city, protection and sacral function which was taken away from Novgorod.